Художник начинает и выигрывает

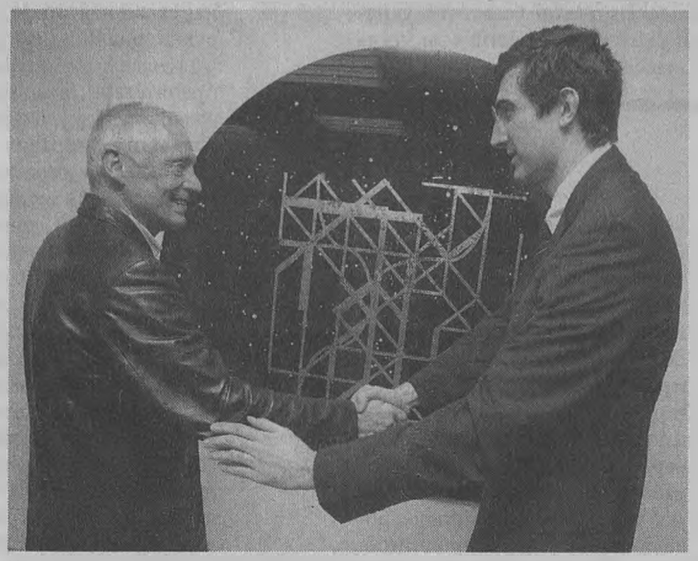
Уго Досси в Третьяковке

выставка современное искусство

Коммерсантъ — 2005 — 2 дек — с. 21

В Третьяковской галерее на Крымском валу открылась выставка немецкого художника итальянского происхождения Уго Досси «Элементы красоты», организованная музеем совместно с московской галереей Stella Art под патронатом посольств Германии и Италии, при участии Немецкого культурного центра имени Гете и поддержке компании «Порше Руссланд». В элементарные эстетические частицы вглядывалась ИРИНА КУЛИК.

Уго Досси работает на грани искусства и научного эксперимента. В его произведениях подобает видеть не только художественные объекты, но и результаты неких исследований. Научные интересы художника весьма разнообразны и прихотливы. С середины 1970-х годов Уго Досси увлеченно исследует закономерности шахматной игры. На выставке в Третьяковке можно увидеть произведения, сделанные им по мотивам знаменитых партий, в том числе и игр нынешнего чемпиона мира Владимира Крамника. Крамник даже пришел на вернисаж в Третьяковке в качестве соавтора выставки и преподнес одно из произведений в дар музею. Другая область исследований Уго Досси связана с гипнозом. Художник основывает свои произведения на рисунках, созданных в состоянии гипнотического транса. Уго Досси проводит по всему миру мастер-классы, во время которых гипнотизирует своих соавторов-подопытных. Один из таких сеансов гипноза год назад состоялся в Самарском художественном музее.



Художник Уго Досси (слева) обнаружил элементы красоты в шахматных партиях Владимира Крамника ФОТО ИЛЬИ ПИТАЛЕВА

Несмотря на весь научно-исследовательский пафос, искусство Уго Досси не имеет ничего общего с унылой лабораторной рутиной графиков, диаграмм и отчетов о проведенных опытах. Скорее его работы обладают наглядной занимательностью сеанса в планетарии. Траектории движения шахматных фигур вычерчены то радужными чертами на фоне черно-белых клеток, то золотом по звездному небу, обретают величие созвездий и весомость иероглифов. Некий абстрактный балет представляют и видеопроекции в инсталляции «Коллективный сон и четыре элемента»: на фоне компьютерных водоворотов, видимо представляющих волны бессознательного, вытанцовывают штрихи и линии, словно собирающиеся сложиться в уравнения и пиктограммы. Тут же из темноты выступают загадочные архаические лики, вычерченные светящимися неоновыми трубками. А в галерее Stella те же рисунки, полученные в результате сеансов гипноза, наложены на яркие голографические снимки древнеегипетских масок и статуй.

Искусство Уго Досси, конечно же, восходит к научной романтике 1960-х годов, когда квантовую физику объясняли через философию дао, а психоанализ дополняли исследованиями ЛСД. Это романтическое увлечение наукой затронуло и некоторых российских художников примерно того же поколения, что и Уго Досси, чьи произведения напомнили московской публике и Франциско Инфантэ, и Юрия Злотникова, и Юрия Соболева. Но если в российском искусстве следующих лет вся эта квазинаучная линия обернулась мистификаторством или же трагическим ощущением непостижимости мира, то Уго Досси по-прежнему уверен в том, что исследовательский эксперимент и художественные поиски имеют общие цели и результат их может быть равноценным как для искусства, так и для науки.

«Лично для меня шахматы все же ближе к миру искусства»

Шахматист ВЛАДИМИР КРАМНИК объяснил „Ъ“ свое присутствие на вернисаже в Третьяковке.

— В картинах Уго Досси действительно можно прочесть шахматную партию?

— Я-то, как профессионал, конечно, в состоянии проследить ходы, но не уверен, что это сможет понять обычный зритель, даже знакомый с правилами игры. Но тем не менее я очень рад, что выставка в Третьяковке приблизила шахматы к миру искусства. Про шахматы часто говорят, что это одновременно спорт, наука и искусство. Конечно, каждый волен выбирать, какой аспект ему важнее, но лично для меня шахматы все же ближе к искусству.

— На картинах Досси партии, наиболее красивые с точки зрения шахматиста, будут также самыми красивыми и для зрителя?

— Не уверен. Умственная красота геометрии и математики все же необязательно совпадает с красотой в понимании изобразительного искусства.

— Вы играли с Уго Досси. Отличается ли стиль игры художника от стиля игры профессионального спортсмена?

— Мы слишком мало играли с ним, чтобы я мог судить о его манере игры. Но Уго — очень творческий и интересный человек, и я доволен, что мы встретились с ним на территории искусства.

«У шахмат и гипноза гораздо больше общего, чем кажется»

Художник УГО ДОССИ рассказал ИРИНЕ КУЛИК, зачем ему гипноз.

— Ваши эксперименты с рисованием под гипнозом вдохновлены опытом сюрреалистов, практиковавших автоматическое письмо в состоянии транса?

— Целью экспериментов были поиски некоего довербального праязыка. К нему невозможно прийти через автоматическое письмо, потому что само это письмо так или иначе создается на одном из уже существующих языков. Но рисование дает совершенно удивительные результаты. Я проделывал мои опыты в самых разных странах: в США, Мексике, Восточной Европе, Индии, Таиланде, Египте. И каждый раз люди обращались к каким-то базовым человеческим историям, не обусловленным ни одной из национальных культур. Почти все рисуют лица и гримасы, ведь мимика это и есть общечеловеческий язык, не зависящий от национальности. Еще повсюду встречаются рисунки летающих существ, поскольку все мы видим сны о полетах, а также различные эротические сюжеты. Эротика, сексуальность — это та область, в которой за двадцать тысяч лет существования человечества вряд ли появилось что-то принципиально новое.

— Как вам удается сочетать исследования коллективного бессознательного с интересом к такой сугубо интеллектуальной вещи, как шахматы?

— У шахмат и гипноза гораздо больше общего, чем может показаться. Гипноз основан на том, чтобы заставить человека сосредоточиться на чем-то одном. Примерно так же существуют сосредоточенные на игре шахматисты, находящиеся в своего рода трансе. Шахматы, как и любое творчество,— это погружение в некое умозрительное, воображаемое пространство, сотканное из возможностей и вероятностей. В шахматах меня интересовали поиски тех элементов, из которых выстраивается наше ощущение прекрасного,— например, ритм, гармония, интенсивность. Я вспоминаю сеанс одновременной игры с двумя десятками партнеров, который Владимир Крамник проводил в художественном музее в Бонне. Со стороны это, наверное, воспринималось как художественный перформанс высочайшего класса. Кроме того, шахматы интересуют меня как возможность показать нелинейное время: когда я накладываю друг на друга траектории движения всех шахматных фигур за время одной партии, я стараюсь передать то ощущение времени, которое свойственно шахматисту, во время партии держащему в голове множество вариантов будущего.

— Владимир Набоков, увлекавшийся шахматами, говорил, что его интересует не игра, а составление шахматных задач.

— Меня интересует не то и не другое, а сами игроки и то ментальное пространство, в котором они пребывают.

— Самым знаменитым шахматистом среди художников был дадаист Марсель Дюшан. Он служил вам примером для подражания?

— В юности я встречался с Дюшаном. У нас был общий друг и общий маршан — Артуро Шварц. Он-то и познакомил меня с Дюшаном, и дал мне записи дюшановских шахматных партий.

— Вы играли с Дюшаном в шахматы?

— Увы, нет. А вот с Крамником мне удалось сыграть, правда, во время сеанса одновременной игры.